

ДАТА

Царственных страстотерпцев помянут в Петербурге

И СПУСТЯ 95 ЛЕТ ПОСЛЕ ГИБЕЛИ СЕМЬИ
НИКОЛАЯ II НЕЯСНО, ГДЕ ПОКОЯТСЯ ИХ ОСТАНКИ

Захоронение останков царской семьи в Петропавловском соборе.

Сегодня, в 95-летнюю годовщину расстрела императорской семьи, в храмах Петербурга пройдут памятные службы, посвященные царственным страстотерпцам.

ТАК СОВПАЛО, что на 2013 год пришлось две круглые даты, посвященные Дому Романовых: 400-летие династии русских царей и «Царская Голгофа» — 95-летие расстрела царской семьи.

Николай II и Александра Федоровна. Акварель С. Александровского. 1894.

Обычно 17 июля — в День расстрела августейших особ — в петербургских храмах проходят памятные службы. А накануне — крестный ход, посвященный новомученикам и исповедникам российским, — паломники идут по местам, где бывали Николай II и члены его семьи. И в этом году крестный ход «Царский путь», организованный Свято-Троицкой Александро-Невской лаврой и Александро-Невским братством, начался 12 июля после патриаршего богослужения в Петропавловском соборе, а закончился ночью 17 июля в городе Пушкине, у стен Федоровского городка...

А между тем православная церковь до сих пор еще не ответила на вопрос: кого же мы похоронили в Петропавловском соборе пятнадцать лет назад? Ведь 17 июля 1998 года, когда состоялось захоронение «екатеринбургских останков» в присутствии президента Бориса Ельцина, патриарх Алексий II не приехал на церемонию погребения, объясняя это тем, что отсутствуют достаточные основания считать «екатеринбургские останки» царскими.

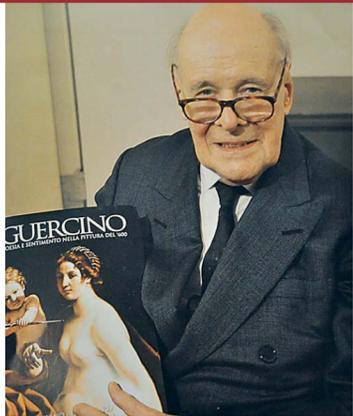
Нет единого мнения и у потомков рода Романовых. По мнению представителя Ассоциации членов семьи Романовых Ивана Арцишевского, патриарх Алексий II принимал «политическое» решение.

— Представьте себя на месте патриарха — какое решение можно было принять святейшему? Приехать в Петропавловскую крепость и хоронить их как великомучеников? Или как императора и членов августейшей семьи? И если хоронить как императора — значит, мы не признаем Зарубежную церковь, а уже тогда велась великая работа по объединению церквей. А если хоронить как святых, тогда наше православное сообщество сказало бы: как же так, ведь мы еще не приняли решение о канонизации царской семьи. Я надеюсь, что церковь примет правильное решение и у нас будет место, куда можно будет прийти и поклониться мощам, — говорит Иван Сергеевич.

У приехавшей на юбилей царского дома главы императорского дома великой княгини Марии Владимировны Романовой свое особое мнение, которое совпадает с мнением РПЦ.

— С самого начала, когда были найдены останки, моя мать и я хотели, чтобы была проведена экспертиза, чтобы все наконец-то стало ясно, — рассказала Мария Владимировна после Божественной литургии в Петропавловском соборе. — Мы очень надеялись, что найденные останки принадлежат царской семье, но, к сожалению, появились некоторые сомнения, которые у нас есть до сих пор. Видимо, еще не настало время, чтобы канонизировать останки. Ведь ни РПЦ, ни императорский дом не могут обмануть людей — если есть серьезные сомнения в подлинности найденных останков, то надо подождать, пока все не станет достаточно ясным.

Людмила КЛУШИНА, фото Натальи ЧАЙКИ

Сэр Денис Маон.

В ее подготовке участвовали многие музеи Великобритании и Италии. Есть на выставке и эрмитажные картины, в том числе знаменитый «Лютнист» Караваджо. Представлены и «Мученичество святого Петра» кисти неизвестного художника, и «Вакх», приобретенный Эрмитажем в голодном 1918 году. Остальные картины, прибывшие из музеев Великобритании и Италии, когда-то принадлежали известному искусствоведу и коллекционеру Денису Маону, который совсем недавно — в 2011 году — ушел из жизни в возрасте 100 лет.

ВОТ ЧТО сказал директор Эрмитажа Михаил ПИОТРОВСКИЙ журналистам: «Это первая выставка, посвященная искусствоведу — великому коллекционеру Денису Маону.

Мы взяли за основу хронологию собрания Маона, а его увлечение живописью Италии XVII века началось именно с Гверчино. Затем он вернул миру живопись барокко, которую до него не особенно ценили, а благодаря ему стали ценить очень высоко. Многие работы, приписываемые неизвестным художникам, он атрибутировал. Он обладал удивительным глазом, вкусом, умением и знаниями. Он собирал картины своих любимых художников, а потом, когда ввел их в научный искусствоведческий оборот и они стали стоить миллионы, не продал, а подарил музеям Великобритании, Ирландии и Италии. Причем сделал это так, чтобы избавить музеи от непомерных налоговых выплат за наследство. Самые лучшие и щедрые меценаты — это не банкиры и олигархи, а ученые, искусствоведы и художники. У нас в Главном штабе хранится «Красная дверь» Ильи Кабакова, обладающая ас-

Открытие такой выставки — праздник не только для музея, но и для всего города.

ку было сложно, временами казалось, что ничего не получится. Но совместные усилия многих талантливых ученых увенчались успехом».

Сергей АНДРОСОВ, куратор выставки с эрмитажной стороны, предложил представить итальянское искусство XVII века в виде горного пейзажа: «Самой высокой горой будет, конечно, Караваджо, пониже — Карраччи и художники болонской школы Доменикино, Гвидо Рени. Денис Маон, как альпинист, покорял одну вершину за другой, пока не добрался до Караваджо. А начал он с того, что открыл для себя Гверчино как

Караваджо. Святой Иероним.

НЕ ПРОПУСТИ!

Ни страха, ни надежды

В ГЕРБОВОМ ЗАЛЕ ЭРМИТАЖА
ОТКРЫЛАСЬ ДОЛГОЖДАННАЯ ВЫСТАВКА
ИТАЛЬЯНСКОГО ИСКУССТВА
«ОТ ГВЕРЧИНО ДО КАРАВАДЖО»

Гвидо Рени. Ариадна.

Синьор Челли и «Лютнист» Караваджо.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Роберто ЧЕЛЛИ, ПРЕЗИДЕНТ КОМПАНИИ «РОМАТИФИЧО»,
КУРАТОР ВЫСТАВКИ С ИТАЛЬЯНСКОЙ СТОРОНЫ:

Мы хотели сломать стереотипы

— Синьор Челли, расскажите, пожалуйста, о том, как возникла идея выставки — первой, как сказал Михаил Пиотровский, посвященной не какому-либо художнику, течению в искусстве или эпохе, но искусствоведу.

— Здесь ситуация, схожая с производством художественных кинофильмов: кто является главным создателем — актер или все-таки режиссер? «Актер» Караваджо или «режиссер» Денис Маон в данном случае?

Этот человек, Денис Маон, был великим уже при жизни. Он позволил по-настоящему оценить многих художников, которые были недооценены, а подчас и неизвестны в мире искусства. Таких, как Караваджо, Гверчино, Гвидо Рени, а также и Никола Пуссен.

Маон шел по этому пути всю свою жизнь. А после, завершив свой жизненный путь, он свои открытия, результаты своего дела жизни подарил нескольким странам, нескольким народам. Не одной какой-либо стране, но пяти разным странам. Пяти разным музеям. И это — великая вещь!

— Также в предисловии к каталогу этой выставки сказано, что Денис Маон задумывал ее как подарок себе на столетний юбилей. Такая выставка была все-таки организована при его жизни?

— К сожалению, нет. Менялись люди, менялись правительства, менялись директора музеев... Обычная реализация столь масштабных проектов, как этот, требует немало времени для воплощения. Бывает, что и жизни одного человека для этого не хватает.

Но, к счастью, наконец проект реализован! Я чувствую, что сэр Денис незримо присутствует здесь, он видит эту выставку, и я знаю: он по-настоящему рад, что его идея воплощена в жизнь. И это случилось именно здесь, в Эрмитаже.

— Г-н Пиотровский упомянул о трудностях организации этой выставки — расскажите, пожалуйста, об этом поподробнее.

— Знаете, многие музеи действительно считают, что тот или иной шедевр принадлежит в первую очередь им. Однако возьмем того же Караваджо — он ведь принадлежит не только одному конкретному музею, но всему человечеству. Так что проблему приходилось решать, для этого мы организовали совместную рабочую группу с участием Эрмитажа, итальянских музеев и нас, частной компании, которая сводила вместе необходимых людей и финансировала проект.

Ну а транспортировка, страховка, таможи — обычные проблемы, сопровождающие каждую выставку.

— Организация этой выставки в данное время в данном месте не связана ли со встречей «Большой двадцатки», которая пройдет в Санкт-Петербурге как раз в последние дни работы выставки? Может быть, сей факт как раз облегчил реализацию проекта, помог решить некоторые проблемы, обойти подводные камни?

— Я думаю, как раз наоборот. Культура вообще и люди, работающие в области культуры, помогают настоящему стать тем будущим, которого мы в действительности хотим. Я думаю, что для всех участников встречи «Большой двадцатки» сама возможность увидеть эту выставку, соприкоснуться с великими образцами высокого искусства поможет найти то общее, что их соединяет, а не разделяет, и поможет найти взаимоприемлемые решения тех проблем, что стоят в настоящее время перед миром.

Эта выставка посвящена не Гверчино и Караваджо. Делая ее, мы думали о более важных вещах — как сломать стереотипы. Хотели объединить в одной выставке картины, которые уже признаны шедеврами, и те, что еще не приобрели такого высокого статуса. Я уверен, что выставка станет предметом обсуждений, дискуссий.

Зинаида АРСЕНЬЕВА

Фото Натальи ЧАЙКИ и Бориса ОСЬКИНА

Беседавал Борис ОСЬКИН, фото автора